

О.Н. Герасимович

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Дела по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации, рассматриваемые в порядке ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь являются одними из наиболее сложных в судебной практике. Эта сложность обусловлена не только спецификой подлежащего защите права, его значимостью для физических и юридических лиц, но и наличием целого ряда процессуальных особенностей, имеющих место, в частности, при формировании предмета доказывания по данной категории дел.

Круг фактов, входящих в предмет доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации определен в статье 153 ГК. Одна из особенностей его формирования по данной категории дел связана с действием доказательственной презумпции, установленной в данной статье.

В соответствии с п.1 ст. 153 ГК сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию граждан или юридических лиц, опровергаются судебным решением, если распространивший их не докажет, что они соответствуют действительности.

Следует отметить, что наличие в ст. 153 ГК доказательственной презумпции признается не всеми. Так, М.К. Треушников полагает, что норма статьи, предусматривающая гражданско-правовую защиту чести, достоинства и деловой репутации, содержит не презумпцию, а иной, отличный от общего правила, способ распределения обязанностей по доказыванию¹.

По мнению М.А.Гурвича, «возлагая на распространившего о ком-либо порочащие сведения обязанность доказать, что они соответствуют действительности, ст. 7 ГК активно и реально охраняет честь и достоинство советских граждан и организаций. Вместе с тем она побуждает всех, кто распространяет такие сведения, тщательно проверять их соответствие действительности, а в случае подтверждения такого соответствия обеспечить себя надлежащими доказательствами. В существовании здесь какой-либо презумпции, например, лживости распространенных порочащих сведений или, что по существу одно то же, презумпции чести и достоинства всех граждан и организаций на территории СССР, нет никакой надобности, не говоря уже об их надуманности и неприемлемости. Для применения ст. 7 ГК подобная презумпция не нужна»². Такого же мнения придерживается В. Елизаров³.

Большинство же авторов признает наличие доказательственной презумпции в норме статьи, предусматривающей гражданско-правовую защиту чести, достоинства и деловой репутации⁴.

Указанные разногласия обусловлены существующей в процессуальной литературе дискуссией о сущности и природе доказательственных презумпций.

В юридической литературе было дано немало определений презумпций. Наибольшее распространение получило определение, в котором под правовой презумпцией понимается закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и известными фактами и подтвержденное предшествующим опытом⁵. Методом образования презумпции считают неполную индукцию⁶. Иными словами, по общему правилу презумпции, с точки зрения их логической природы являются обобщениями жизненного опыта, практики многих поколений людей, в силу чего они обладают высокой степенью вероятности.

Как справедливо отмечают авторы, отрицающие наличие в законе презумпции несоответствия действительности распространенных порочащих сведений, ложность распространенных сведений не является правилом, устойчивым явлением, не отражает «обычный порядок» вещей, поэтому и не может предполагаться.

Мы согласны, что презумпция, установленная в ст. 153 ГК, таким качеством как высокая степень вероятности не обладает. Однако, как указывает В.К. Бабаев, наряду с презумпциями, отражающими «обычный порядок» предметов и явлений, существуют презумпции особого рода, введение которых обусловлено сугубо политическими задачами. Таковы, например презумпция невиновности, а также рассматриваемая презумпция. По мнению В.К. Бабаева, они относятся к презумпциям, т.к. во-первых, являются предположениями и, во-вторых, выполняют ту же служебную роль, что и остальные презумпции⁷.

На наш взгляд, с данной позицией следует согласиться. Ст. 153 ГК содержит презумпцию, введение которой было обусловлено стремлением законодателя гарантировать гражданам и юридическим лицам наибольшую защиту от распространения клеветнических измышлений. Ее установление значительно облегчает положение истца в процессе, освобождая его от доказывания факта несоответствия сведений действительности. Данный факт предполагается существующим, пока ответчик не докажет обратное. Отсутствие такой презумпции существенно осложнило бы положение лица, о котором распространены сведения о не имевших места в действительности фактах, т.к. доказывание отсутствующих фактов (так называемых отрицательных) представляет известную сложность.

Кроме того, установление рассматриваемой презумпции имеет и превентивное значение, побуждая граждан воздерживаться от распространения непроверенных, неподкрепленных доказательствами порочащих сведений о других лицах.

Среди авторов, признающих наличие в ст. 153 ГК доказательственной презумпции, нет единства в вопросе о названии данной презумпции. Так, одни авторы называют ее «презумпцией добропорядочности»⁸, другие - «презумпцией несоответствия действительности порочащих лицо сведений»⁹. Приведенные выше названия по сути друг от друга не отличаются, и не вызывают возражений. Вместе с тем, встречаются утверждения, что гипотеза статьи, предусматривающая гражданско-правовую защиту чести, достоинства и деловой репутации, содержит «презумпцию вины распространителя порочащих сведений», при этом ей придается то же значение, что и «презумпции несоответствия действительности распространенных порочащих сведений». Такова, например, позиция Д.М. Чечота¹⁰ и некоторых других авторов¹¹. Определять данную презумпцию таким образом, на наш взгляд, неверно. Общепризнанно, что вина не является одним из условий наступления ответственности по ст. 153 ГК и указанными авторами это не отрицается, а предлагаемое определение наводит на мысль об обратном.

В юридической литературе нет единства и в вопросе о том, какое влияние презумпция оказывает на формирование предмета доказывания. Согласно одной точке зрения, презумируемый факт не исключается из предмета доказывания. Одна из сторон освобождается от доказывания данного факта, но закон в этом случае обременяет доказыванием обратного другую сторону. Таким образом, сущность презумпции заключается в том, что она перераспределяет бремя доказывания между сторонами. Такова позиция Т.А. Лилуашвили¹².

По мнению других авторов, одна из сторон освобождается от доказывания презумируемого факта не потому, что обязанность по его доказыванию перекладывается на другую сторону, а потому, что данный факт вообще не подлежит доказыванию, он исключается из предмета доказывания¹³.

На наш взгляд, наличие в ст. 153 ГК презумпции не возлагает на ответчика обязанности по доказыванию каких-либо дополнительных фактов, какие он не должен был бы доказывать при отсутствии презумпции. И при наличии и при отсутствии презумпции ответчик должен приводить факты, свидетельствующие об истинности распространенных им сведений, т.к. эти факты обосновывают его возражения против иска (ст. 179 ГПК). Таким образом, общее правило распределения обязанностей по доказыванию остается неизменным. Следовательно, за презумпциями нельзя признать значение средства перераспределения обязанностей по доказыванию между сторонами. Презумпция освобождает одну сторону

от доказывания презюмируемого факта., не перекладывая при этом его доказывание на другую сторону, а исключая его вообще из предмета доказывания. Ответчик же не лишается права приводить доказательства в опровержение презюмируемого факта.

Таким образом, по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации факт несоответствия сведений действительности в предмет доказывания не включается, за исключением случаев, когда истец воспользуется своим правом доказывать ложность распространенных о нем сведений. Если же истец, воспользовавшись данным правом, привести достаточных доказательств не сможет, в основу судебного решения должна быть положена презумпция несоответствия распространенных сведений действительности.

Если ответчик не признает заявленный к нему иск, он должен, защищаясь, приводить доказательства, подтверждающие достоверность распространенных им сведений. Доказывание факта соответствия действительности распространенных сведений представляет особую сложность в случаях распространения ответчиком так называемых оценочных суждений. Это связано с существующей в теории и в судебной практике проблемой толкования, содержащегося в ст. 153 ГК понятия «сведения».

В юридической литературе высказаны по этому вопросу различные точки зрения, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что возможно понимание этого термина в контексте ст.153 ГК в широком и узком смыслах. Сторонники широкого понимания включают в понятие “сведения”: сведения о фактах; оценку факта или оценку личности (так называемые оценочные суждения). Исходя из этого делается вывод о том, что понятие “соответствие действительности” нужно рассматривать также в двух аспектах: как правильность сообщения о фактах; как правильность оценки фактов¹⁴.

Сторонники узкого понимания исходят из того, что понятие “сведения” включают в себя только информацию о фактах и, следовательно, оценочные суждения в судебном порядке опровергаться не могут¹⁵. Авторы, полагающие, что под сведениями следует понимать и оценочные суждения, утверждают, что они бывают двух видов: 1) содержащие в себе сведения фактического характера; 2) не содержащие таких сведений¹⁶. Первый вид оценочных суждений может быть опровергнут в судебном порядке, второй – нет. А.В. Белявский и Н.А. Придворов выдвигают следующие возражения на этот счет: “деление оценки на содержащие в себе сведения фактического характера и не содержащие такие весьма условно и в конечном итоге, вряд ли правильно”, так как “любая

моральная характеристика человека подразумевает оценку каких-либо действий, поступков, поведения лица”¹⁷.

Данная проблема не нашла четкого решения в постановлении Пленума Верховного Суда «О практике применения судами ст. 7 ГК Республики Беларусь о защите чести и достоинства граждан и организаций». Однако определенные выводы могут быть сделаны из положений п. 7 постановления, в котором, в частности, Пленум указал, что «не могут признаваться обоснованными требования об опровержении сведений, содержащих соответствующую действительности критику недостатков в работе, коллективе, быту»¹⁸. Поскольку критика – это отрицательная оценка, отсюда можно утверждать, что позиция Пленума Верховного Суда заключается в том, что оценочные суждения можно проверять на соответствие или несоответствие действительности, и как следствие, опровергать в судебном порядке.

Суды нередко также испытывают затруднения при решении вопроса о том, к какому виду относятся сведения, которые просит опровергнуть истец: к сведениям о фактах или к оценочным суждениям. В качестве примера можно привести следующее дело. К. в заявлении суду указал, что в «Народной газете» были опубликованы статьи за подписью З., в которых содержались сведения, порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию. В частности, в данных статьях работы К. были названы «импровизациями», написанными в антинаучном плане. Сам К. обвинялся в том, что допускает «вольности в исторической науке», является «реставратором капитализма». Суд вынес определение о назначении историко-литературоведческой экспертизы, на разрешение которой поставил, в частности, следующие вопросы: 1) Являются ли указанные статьи оценкой З. исторических (научных) статей К.? 2) Какие моменты вышеуказанных статей (спорных) являются мнением, оценкой, сведениями?¹⁹

Действия суда вряд ли можно признать правильными. В соответствии со ст. 216 ГПК экспертиза назначается для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных познаний в области науки, искусства, техники или ремесла. Хотя закон и не дает определение понятия «специальные познания», очевидно, что к таковым не относятся общеизвестные знания, а также знание законодательства²⁰.

Первый вопрос, поставленный на разрешение экспертизы, никаких специальных знаний, приобретенных при получении специального образования или в процессе практической работы по конкретной специальности²¹, не требует. Ответ на данный вопрос, на наш взгляд, является очевидным. Второй вопрос – это

по сути вопрос правовой, т.е. вопрос толкования гипотезы статьи 153 ГК, его разрешение входит в компетенцию суда.

При решении вопроса о том, возможна ли проверка оценочных суждений, необходимо, на наш взгляд, учитывать, что сведение по своей сути – это известие, сообщение о каком-либо факте. Однако, порочащая информация может распространяться не только в форме сообщений о фактах, но и в форме оценочных суждений. Деление оценочных суждений на два вида: оценочные суждения, являющиеся высказываниями фактического характера и не являющиеся таковыми – по сути неверно. Следует согласиться с тем, что в конечном итоге любая оценка основывается на одном конкретном факте либо на сумме фактов. Однако фактическая основа любых оценочных суждений не означает, что все они подлежат проверке на истинность или ложность.

Критерий, который позволил бы разделить оценочные суждения на два вида: допускающие проверку с точки зрения их соответствия или несоответствия действительности и не допускающие такой проверки заключается, на наш взгляд, в следующем. Подвергнуть проверке на истинность или ложность можно только такие оценочные суждения, в отношении которых возможно более или менее полное (исчерпывающее) выявление круга фактов, которые могли лежать в основу оценки. Таким образом, сложность в формировании предмета доказывания по делам, в которых опровергаются оценочные суждения, состоит в том, что они, являясь обобщающими понятиями, нуждаются в конкретизации, в выявлении круга фактов, которые легли в основу этих суждений, а также в оценке данных фактов с точки зрения правовой значимости.

Особую сложность для судов представляет решение вопроса о соответствии или несоответствии действительности сведений, содержащих обвинения конкретного лица в совершении преступления. При изучении судебной практики по данной категории дел были выявлены разные подходы судей к решению данной проблемы. В подтверждение этого могут быть приведены следующие дела.

В исковом заявлении о защите чести, достоинства и деловой репутации В. указал, что директор Республиканского центра физического воспитания и спорта учащихся и студентов в своем письме на имя ректора БГПА сообщил, что В. выкрадал документы главной судейской коллегии. Суд удовлетворил исковые требования В., указав при этом, что факт изъятия указанных документов истцом не оспаривается, однако суд считает, что изъятие документов В. неверно истолковано ответчиком, т.к. квалифицировать действия истца как «кражу» могут только уполномоченные на это органы»²².

В другом случае, С. во встречном исковом заявлении о защите чести, достоинства и деловой репутации к Ш. указал, что Ш. совершил должностное преступление или должностной проступок. Определением Судебной коллегии по гражданским делам Могилевского областного суда постановлено производство по делу приостановить, а дело направить для проверки фактов, изложенных в исковом заявлении С. прокурору области, т.к. суду не представляется возможным дать оценку данному факту в гражданском процессе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда отменила определение суда, а дело направила на новое рассмотрение, мотивировав это тем, что суд может приостановить производство по делу лишь в случаях, предусмотренных законом. Так, в соответствии с п. 4 ст. 211 ГПК суд обязан приостановить производство по делу в случае невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела, рассматриваемого в гражданском, уголовном или административном порядке. Каких-либо дел, рассматриваемых в уголовном или административном порядке, до разрешения которых невозможно рассмотреть данное дело, не имеется²³.

Необходимо отметить, что в литературе данной проблеме, на наш взгляд, не уделялось достаточного внимания. Большинство авторов, затрагивающих ее, ограничиваются указанием на то, что сведения о совершении преступления могут быть предметом рассмотрения по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации и что суд, разбирая такие иски, обязан по ходатайству сторон или по собственной инициативе запросить милицию, прокуратуру и другие компетентные органы о наличии данных, которыми они располагают по рассматриваемому в суде спору²⁴.

При решении вопроса о соответствии действительности сведений о совершении каким-либо лицом преступления следует учитывать, что, с одной стороны, единственным доказательством соответствия действительности данного факта является приговор суда, т.к. никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 26 Конституции). С другой стороны, существует мнение, что презумпция невиновности к данному случаю не относится, она обязательна только при расследовании уголовных дел. Поэтому речь должна идти не о доказывании факта совершения преступления, а о том, достаточно или не достаточно у ответчика оснований для того, чтобы это утверждать. Если у ответчика есть документы, позволяющие ему, руководствуясь своим правосознанием, сделать вывод о том что налицо признаки совершения преступления и эти документы представлены в суд, то

даже при отсутствии приговора, суд должен отказать в иске и признать, что в данном случае распространенные сведения соответствуют действительности²⁵.

Необходимо отметить, что проблема опровержения в порядке ст. 153 ГК сведений о совершении каким-либо лицом преступления достаточно сложна и вряд ли возможна выработка рекомендаций по ее разрешению, которые бы подходили ко всем без исключения случаям, возникающим на практике. Нам представляется необходимым отметить следующее. Прежде всего нужно различать сведения о действиях (бездействиях) истца, которые могут быть квалифицированы как преступные и сведения, в которых уже дана оценка действиям как преступным. В зависимости от вида сведений по-разному должна решаться и проблема доказывания. В первом случае в предмет доказывания включается факт совершения (или не совершения) истцом действий (бездействий). Если при рассмотрении дела суд обнаружит признаки преступления в действиях истца, он должен сообщить об этом прокурору частным определением (ст. 352 ГПК). Более сложной является проблема оспаривания сведений в которых уже дана оценка действиям истца как преступным. Как нам представляется, решение по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации должно быть поставлено в данном случае в зависимость от того возбуждалось ли в отношении истца уголовное дело по фактам, оспариваемым им в гражданском процессе. Если уголовное дело возбуждено и находится в производстве компетентных органов, суд обязан приостановить производство по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации до вступления в законную силу приговора суда. Если состоялся приговор суда, вступивший в законную силу, в котором дана оценка действиям (бездействиям) истца, о которых идет речь в оспариваемых сведениях, такой приговор обязателен для суда по вопросам имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом (ч. 4 ст. 182 ГПК). Если уголовное дело не возбуждалось, суд, на наш взгляд, должен разрешить дело на основании презумпции несовоответствия действительности распространенных порочащих сведений. Направление судом в прокуратуру сообщения о проверке фактов, изложенных в исковом заявлении, на наш взгляд, недопустимо. В соответствии со ст. 179 ГПК каждая сторона доказывает факты, на которые ссылается как на основание своих требований или возражений. Если доказательств, представленных юридически заинтересованными в исходе дела лицами, недостаточно, суд предлагает им представить дополнительные доказательства. Если для названных лиц представление дополнительных доказательств невозможно, суд на основании их ходатайств соединяет в истребовании таких доказательств. В ходатайстве должно быть обозначено доказательство, а также указано какие обстоятельства, имеющие значе-

ние для дела могут быть установлены или опровергнуты этим доказательством, и место его нахождения. В статье 179 ГПК речь идет о случаях, когда юридически заинтересованным в исходе дела лицам известно о наличии конкретного доказательства, но по каким-либо причинам представление данного доказательства в суд для них невозможно. В случаях же направления в прокуратуру сообщения о проверке факта, речь идет о собирании доказательств, подтверждающих или опровергающих оспариваемый факт. Это влечет за собой существенное нарушение прав истца и ставит ответчика в более выгодное положение, т.к. доказывание факта соответствия распространенных сведений действительности будет производится фактически судом, в то время как ст. 153 ГК возлагает эту обязанность на ответчика, освобождая истца от доказывания факта несоответствия сведений действительности.

По делам о защите чести, достоинства и деловой репутации одним из юридических фактов, из которых вытекает обязанность лица, распространившего несоответствующие действительности сведения, опровергнуть их, является порочащий характер этих сведений. Вопрос о том, включается ли данный юридический факт в предмет доказывания, является в настоящее время дискуссионным.

Так, К.Б. Ярошенко, Е.А. Ковалев, В.Д. Шевчук полагают, что истец должен не просто заявлять, что распространенные сведения порочат его честь, достоинство и деловую репутацию, но и обосновывать это, приводить доказательства²⁶.

Существует также мнение, что порочащий характер сведений – явление очевидное и в особом доказывании не нуждается²⁷.

Ю.В. Молочкив установление порочащего характера сведений ставит в зависимость от выявления факта несоответствия сведений действительности, полагая, что в самом факте несоответствия сведений действительности заложен элемент порочности²⁸.

Большинство же авторов, анализируя проблемы доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации считают, что истец должен доказать то, что сведения были распространены и что сделал это ответчик²⁹. Специально доказывать, что сведения порочат его репутацию, истец не должен. При этом, некоторые из них добавляют, что ответчик может доказывать, что сведения, о которых идет речь, не являются порочащими, не умаляют честь и достоинство истца³⁰. Для ответа на вопрос о том, включается ли такой юридический факт как порочащий характер сведений в предмет доказывания, необходимо прежде всего определить с каких позиций суд должен оценивать характер рас-

пространенных сведений. Анализ литературных источников, касающихся данной проблематики, позволяет выявить два подхода: одни авторы полагают, что суд должен выяснить являются ли распространенные сведения порочащими вообще, безотносительно к тому в отношении кого они были распространены и без учета иных обстоятельств дела; другие – что суд должен выяснить являются ли сведения порочащими данного человека или юридическое лицо при данных условиях

Иными словами, спорным является вопрос о том, должна ли это быть оценка каких-либо конкретных сведений как порочащих постоянной, независящей от конкретных обстоятельств дела. Утвердительно, на наш взгляд, на этот вопрос отвечали те авторы, которые полагали, что характер распространенных сведений суд определяет уже в стадии возбуждения дела, при принятии искового заявления, т.к. спор о сведениях, которые не могут порочить честь и достоинство суду неподведомственен³¹. Однако, изложенная точка зрения не нашла широкого распространения в научной литературе последних лет и поддержки среди ученых-процессуалистов. Общепризнанным является то, что вопрос о характере распространенных сведений относится к существу иска и должен быть рассмотрен в судебном заседании.

В настоящее время преобладает мнение, согласно которому на оценку распространенных сведений влияет целый ряд условий. Одни и те же сведения в зависимости от индивидуальных качеств лица, в отношении которого они распространены, могут получить различную оценку. Неслучайно, закон не определяет, какие сведения являются порочащими и не дает даже примерного их перечня.

Судебная практика при определении характера распространенных сведений руководствуется разъяснениями Пленума Верховного Суда, данными в постановлении «О практике применения судами ст. 7 ГК Республики Беларусь о защите чести и достоинства граждан и организаций»³². В п. 7 данного постановления, в частности, указано, что порочащими являются такие не соответствующие действительности сведения, которые умаляют честь и достоинство гражданина или организации в общественном мнении или мнении отдельных граждан с точки зрения соблюдения законов, моральных принципов общества. Следует отметить, что данный взгляд на проблему признания сведений порочащими является общепризнанным. Однако формулировка, содержащаяся в постановлении, нуждается в уточнении. Вместо термина «закон» целесообразнее было бы употребить термин «нормы права», поскольку порочащими могут оказаться сведения

о нарушении предписаний, содержащихся не только в законах, но и в других нормативных актах.

В определении порочащих сведений, данном Пленумом Верховного Суда четко установлено два вида подобных сведений: сведения о нарушении норм морали и сведения о нарушении законов.

В юридической литературе общепризнанно, что любое аморальное поведение является порочащим. Вопрос же о том, всякое ли противоправное действие является порочащими честь и достоинство совершившего его лица, является дискуссионным. Так, А.В. Беляевский, Н.А. Придворов отвечают на него утвердительно³³. По их мнению, любое противоправное поведение является одновременно и аморальным, а следовательно и порочащим честь и достоинство лица.

На наш взгляд, данную точку зрения убедительно опровергает В.Л. Суховерхий, утверждая, что право может требовать того, что для нравственности совершенно безразлично³⁴. Так, вряд ли можно считать аморальным поступок лица, нарушившего установленную в законодательстве форму сделки или выдавшего доверенность сроком на 5 лет. Таким образом не всякое противоправное поведение является аморальным, равно как не всякое аморальное поведение является одновременно противоправным. Данные понятия пересекаются, но ни одно из них не поглощает другое.

Понятие «порочащий характер сведений» является обобщающим. Определяя характер распространенных сведений, суд должен конкретизировать, в чем заключается эта порочность. Для этого в некоторых случаях, на наш взгляд, недостаточно выяснить, содержат ли сведения обвинение в нарушении норм морали или права. Необходимо отметить, что распространенные сведения в некоторых случаях способны опорочить честь, достоинство и деловой репутацию лица не сами по себе, а в совокупности с другой информацией, которой владеет определенный круг лиц. Ключевым для определения порочащего характера сведений в данном случае является изменившееся мнение этих отдельных лиц, которое суд по возможности должен выяснить. Или, по крайней мере выяснить наличие тех обстоятельств, которые могли повлиять на изменение репутации истца в их глазах.

В предмет доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации входит также факт распространения порочащих истца сведений. Необходимо отметить, что установление данного факта, как правило, затруднений в судебной практике не вызывает, в связи с чем в данной статье этот вопрос не анализируется.

-
- ¹ Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 1997. С. 69.
- ² Гурвич М.А. Доказательственные презумпции в советском гражданском процессе // Советская юстиция. 1968. № 12. С.9.
- ³ Елизаров В. Распределение обязанностей доказывания в исках о защите чести и достоинства // Советская юстиция. 1968. № 19. С. 12-13.
- ⁴ Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. С. 32; Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде: практические рекомендации. М., 1995. С.23; Боннер А. Установление обстоятельства гражданского дела на основе юридических предположений // Советская юстиция. 1989. № 11. С. 5; Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 16; Тарбагаева Е.Б. Природа законных презумпций в гражданском процессе // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву. М., 1983. С. 158; Ойгензихт В.А. Понятие гражданско-правовой презумпции // Советское государство и право. 1975. №10. С. 28; Иоффе О.С. Охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 66.
- ⁵ Бабаев В.К. Указ. соч. С. 16; Воложанин В.Н. К вопросу о юридических предположениях в советском гражданском праве и процессе // Ученые записки Свердловского юридического института. Свердловск. Т. 3. С. 94.
- ⁶ Бабаев В.К. Указ. соч. С.12; Боннер А. Указ. соч. С.5; Тарбагаева Е.Б. Указ. соч. С.23.
- ⁷ Бабаев В.К. Указ. соч. С.16.
- ⁸ Малеин Н.С. Указ. соч. С. 34; Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Указ. соч. С. 23.
- ⁹ Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона // Гражданско-правовая защита личных неимущественных прав граждан. М., 1990. С. 159.
- ¹⁰ Гражданский процесс: Учебник / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М., 1997. С. 200.
- ¹¹ Парашенко В.Н., Сокол С.Ф. Защита чести и достоинства гражданина в судебном порядке. Минск, 1998. С. 21.
- ¹² Лилуашвили Г.А. О доказывании предполагаемых фактов в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1962. № 12. С. 146.
- ¹³ Родионова О.Н. Презумпции как основание освобождения от доказывания // Проблемы применения норм гражданского процессуального права: Межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1986. С. 74.
- ¹⁴ Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М., 1995. С.18.
- ¹⁵ Вышкевич В. Защита чести, достоинства и деловой репутации // Судовы весник. 1996. № 2. С. 3; Савичев Г. Судебная защита чести и достоинства гражданина // Советская юстиция. 1974. № 2. С. 8.
- ¹⁶ Пронина М.Г., Романович А.Н. Защита чести и достоинства граждан. Минск, 1976. С.26.
- ¹⁷ Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М., 1971. С. 56.

-
- ¹⁸ О практике применения судами ст. 7 ГК Республики Беларусь о защите чести и достоинства граждан и организаций: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 1992 г. // Судовы веснік. 1993. № 1.
- ¹⁹ Архив суда Советского района г. Минска. 1998 г. Дело № 2-1021.
- ²⁰ Россинская Е.А. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М., 1996. С.6.
- ²¹ Там же. С. 6.
- ²² Архив суда Советского района г. Минска. 1995 г. Дело № 2-1001.
- ²³ Судовы веснік. 1995. № 4. С.14.
- ²⁴ Малеина М.Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. 1993. № 24. С. 20; Белявский А.В. Из практики применения ст. 7 Основ гражданского законодательства // Советская юстиция. 1965. №4. С.10.
- ²⁵ Защита чести и достоинства. Теоретические и практические вопросы // Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М. 1997. С. 50.
- ²⁶ Ярошенко К.Б. Указ соч. С. 159; Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Указ соч. С. 23.
- ²⁷ Анисимов А.Л. Указ соч. С.29; Сергеев А.П. Право на защиту репутации. Л., 1989. С. 24.
- ²⁸ Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М. 1993. С. 13.
- ²⁹ Пронина М.Г., Романович А.Н. Указ. соч. С. 55.
- ³⁰ Чернышева С.А. Охрана чести и достоинства гражданина // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 131.
- ³¹ Рафиева Л.К. Гражданко-правовая защита чести и достоинства личности в СССР. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Л., 1966. С. 16.
- ³² О практике применения судами ст.7 ГК Республики Беларусь о защите чести и достоинства граждан и организаций: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 1992 г. // Судовы веснік. 1993. № 2.
- ³³ Белявский А.В., Придворов Н.А. Указ. соч. С. 67.
- ³⁴ Суховерхий В.Л. Некоторые вопросы применения ст. 7 ГК РСФСР // Сборник аспирантских работ. М., 1968. Вып.7. С. 201.

